

Н.А. Константинова

**Система управления мусульманским населением
Восточной Сибири во второй половине
XIX – начале XX в.**

На территории Восточной Сибири, включающей в себя Енисейскую и Иркутскую губернии, Забайкальскую и Якутскую области, в 1851 г. проживало 910468 чел., в 1897 г. – 2026588, в 1911 г. – 2862386 чел. [1, приложение]. Численность мусульманского населения составила 3524 чел. в 1851 г. (0,4% от общей численности населения), 17717 чел. в 1897 г. (или 0,9%) и 18535 чел. в 1911 г. (или 0,6%) [2, с. 98].

Права и обязанности мусульманского населения империи прописывались отдельными статьями законодательства, но в целом были сосредоточены в книге шестой «Об управлении духовными делами магометан» части I Свода учреждений и уставов Управления духовных дел иностранных исповеданий христиан и иноверцев тома XI **Свода законов Российской империи**. Отдельные разделы Свода законов регулировали деятельность независимых управлений – Таврического и Оренбургского магометанских духовных управлений.

Мусульмане Восточной Сибири находились в ведении Оренбургского магометанского духовного управления.

Мусульмане, которые проживали в Сибири и исповедовали неправославную веру, не подчинялись Уставу об управлении инородцами 1822 г., подобно коренным народам Восточной Сибири. Тем не менее в печати и обществе мусульмане (к которым относились киргизы, татары, чеченцы), как и буряты, якуты и другие коренные народы Сибири, относились к «инородцам».

Правовое положение мусульманского населения Восточной Сибири регулировалось в рамках правовых актов Оренбургского духовного собрания. В то же время отдельного положения для мусульман собственно Восточной Сибири не существовало.

Оренбургское магометанское духовное собрание, управляющий орган мусульманским населением значительной части Азиатской России, был образован в 1788 г. Духовное собрание несколько раз меняло свое местопребывание и соответственно название: с 1788 по 1797 г. – в Уфе; с 1797 по 1803 г. – в Оренбурге и с 1803 г. – вновь в Уфе [3, с. 204].

Во главе мусульманского правления стоял «председательствующий» – муфтий. Эта должность была введена в 1788 г. указом императрицы Екатерины II для Оренбургского магометанского духовного собрания и в 1794 г. – для Таврического. Оренбургский муфтий содержался за казенный счет из расчета 1500 руб.

в год; Таврический, кадиаскер Сейту Мегмет Эфендий, получал 2000 руб. [4, л. 55].

С учреждением Оренбургского магометанского духовного собрания управление мусульманами Центральной и Восточной России обрело трехступенчатую структуру. Высшее духовное управление осуществлял муфтиат. Среднее звено (мухтасибат) создавалось в каждой мусульманской общине, насчитывающей от 50 до 150 человек. Общинное управление состояло из 2–5 членов под председательством мухтасиба. В низшее духовное правление (мухтаваллиат) входили председатель, мулла, муэдзин, секретарь и казначей. В обязанности мухтаваллиата входило ведение дел мечети, медресе, наблюдение за исполнением законов шариата [5, с. 22].

В 1810 г. было учреждено Управление делами иноверцев, в ведении которого находились все вопросы религиозной жизни иноверцев, за исключением судопроизводства. В 1832 г. Управление делами иноверцев было преобразовано в Департамент духовных дел иностранных исповеданий и включено в структуру Министерства внутренних дел, где оно находилось вплоть до 1917 г. [6, с. 55].

Во время правления Николая I последовал ряд законодательных решений, касающихся положения мусульман в России. В 1831 г. фактически образовалось Таврическое магометанское духовное правление, юрисдикция которого распространялась на западные районы Российской империи. Функции и состав центрального органа, контролирующего духовную жизнь подданных империи – Департамента духовных дел иностранных исповеданий, были декларированы в томе I **Свода законов 2 ч. кн. V ст. 365. Департамент**, состоящий из отделений, столов и «особого секретарского стола», курировал духовную жизнь католиков, протестантов, а также мусульман, иудеев и «ламаитов».

В томе XI **Уставов духовных дел иностранных исповеданий Свода законов** существовал отдельный раздел: книга шестая «Об управлении духовных дел магометан», полностью посвященная мусульманам. Согласно законодательству, местное управление духовными делами мусульман принадлежало их приходскому и высшему духовенству. Департаменту духовных дел подчинялись два окружных управления – Таврическое и Оренбургское. Таврическому управлению подчинялись мусульмане, проживающие в Таврической и западных губерниях империи,

а Оренбургскому – в восточных губерниях и областях, за исключением Закавказья. Духовными делами мусульман Сибири, Восточной Сибири в частности, заведовало Оренбургское окружное управление.

Оренбургское магометанское духовное собрание состояло из высшего и приходского духовенства. К высшему принадлежали муфтий и ахуны, а к приходскому – хатыны (муллы), имамы и маязины (при соборных мечетях), имамы и маязины (при простых мечетях). Во главе Оренбургского собрания стоял муфтий, являющийся и его председателем [7, ст. 1416].

Оренбургское духовенство имело юридически закрепленное право рассматривать и решать следующие вопросы: о порядке богослужения, об обрядах, о заключении и расторжении браков. Жалобы по этим делам на решения приходского духовенства направлялись духовному правлению, а на решения духовного правления – Оренбургскому губернатору. От него дела направлялись в Министерство внутренних дел для разрешения их в установленном порядке. Помимо этого, Оренбургское духовенство имело право разрешать вопросы частной собственности, возникающие между мусульманами по завещаниям или при разделах наследственного имущества, руководствуясь при этом правилами мусульманской веры.

Духовные лица, принадлежащие к Оренбургскому магометанскому духовному собранию, а также их дети, были освобождены от телесных наказаний [7, ст. 1349]. В случае неисполнения или нарушения своих духовных обязанностей они подлежали суду своего духовного начальства, а во всех прочих делах, гражданских и уголовных, подлежали светскому суду и судились по общим законам империи [7, ст. 1354]. Духовные лица Оренбургского магометанского духовного округа подлежали платежу повинностей согласно их сословию, однако этот платеж за них могли осуществить и прихожане их мечетей.

К функциям Оренбургского духовного собрания относилось проведение экзаменов на знание основных заповедей ислама и утверждение в приходской духовной должности избранных обществом лиц. Помимо этого, Оренбургское собрание контролировало деятельность мулл, имело право наложить взыскания за правонарушения и даже временно отстранить от должности или лишить духовного звания за поступки, противоречащие духовным обязанностям [7, ст. 1424]. Но подобные решения приводились в исполнение только посредством участия губернского правления, поскольку именно от него зависело утверждение мулл в приходской должности.

Среди вопросов жизни мусульманской общины было управление духовными делами мусульман, образование мусульманских приходов, постройка и открытие мечетей и молитвенных домов, мусульманские секты, мусульманская печать, мусульманские учебные заведения, имущество мусульманского ду-

ховенства и мусульманских духовных учреждений, брачные и бракоразводные дела лиц мусульманского вероисповедания, приведение к присяге мусульманского духовенства и русско-подданных мусульман, вопросы, связанные с воинской повинностью лиц мусульманского вероисповедания, и др.

Таким образом, можно отметить, что, во-первых, управление мусульманами (наряду с иудеями, католиками, протестантами и язычниками) на территории Российской империи высшая государственная власть передала в руки отдельного органа, что в условиях многонационального состава населения было вполне оправданным решением. Во-вторых, эта власть над мусульманским населением была централизована, и несмотря на довольно обширные территории, ее центр, располагаясь в Уфе или Оренбурге (в разное время), не позволял осуществлять надлежащий контроль за территориями Сибири ввиду слабой работы средств связи и отсутствия каких-либо органов на местах.

Полномочия духовного собрания были достаточно широки, но не включали в себя дела судопроизводства, наказаний за преступления и т.п. Рассматривая тяжбы о наследственных делах, а также имущественных и семейно-брачных, члены собрания в своих решениях опирались на нормы, регламентируемые исламской верой. В целом собрание контролировало духовную жизнь подданных своей религии, способствовало ее распространению, имея полномочия открывать мечети и медресе.

Таким образом, к началу XX в. на территории страны сложилась достаточно законченная система мусульманских духовных учреждений. Районы Европейской России и Сибири курировались замыкавшимся на Министерстве внутренних дел Оренбургским и Таврическим муфтиями.

Сравнительный анализ системы управления мусульманами Восточной Сибири и системы управления «инородцами», регламентированной Уставом об управлении инородцами 1822 г., позволяет заключить, что несмотря на общую территорию проживания и общий признак неправославного вероисповедания определенные различия в организации управления существовали. Мусульманское население Восточной Сибири, в отличие от остальной категории «инородцев» (бурят, якутов, эвенков), не имели местных органов управления, таких как инородные управы и степные думы, подчиняясь непосредственно центральному органу – Оренбургскому магометанскому духовному собранию.

Однако к началу XX в. намечались серьезные изменения в структуре управления мусульманами, которые должны были коснуться и мусульман, проживающих в Восточной Сибири.

Мусульманский вопрос, родившийся наряду с другими «инородческими» вопросами в обществе во второй половине XIX в., спровоцировал обсуждение положения мусульман на территории империи. В пос-

ледней четверти XIX в. в Министерство внутренних дел поступали отчеты оренбургского и таврического губернаторов, касающиеся освещения мусульманского вопроса, положения разных этнических составляющих мусульманской религии на подведомственных им территориях, а также их предложения по ослаблению влияния ислама на жителей Оренбургской и Таврической губерний, преобразованию управления духовными делами мусульман.

С целью обсуждения положения мусульман на территории империи и системы их управления в 1905 г. было создано Особое совещание под председательством графа А.П. Игнатьева. На совещании был представлен проект действительного тайного советника Череванского, который предложил расчленить Оренбургское магометанское собрание на 7 более мелких, одним из которых являлось Сибирское (с центром в Троицке или Петропавловске).

Последние два совещания «по вопросам веры» состоялись в 1910 и 1914 гг. Особое совещание 1910 г. при Министерстве внутренних дел признало необходимым уменьшить территориальную компетенцию Оренбургского духовного собрания, распределив подведомственную ему территорию между несколькими соответствующими учреждениями, расположенными в местах наибольшего сосредоточения мусульманского населения.

В результате деятельности совещания в 1914 г. было решено сохранить Таврический и Оренбургский

муфтиаты в их прежних территориальных районах. В местностях же, не входящих в округа существующих муфтиатов, организовать управление духовными делами мусульман на таких началах, чтобы духовные лица являлись по преимуществу служителями данного культа в ближайшем значении этого слова. Совещание, следовательно, не наметило каких-либо существенных преобразований в области управления духовными делами мусульман.

Несмотря на то, что участники совещания приняли решение созывать подобные совещания с периодичностью один раз в два года, совещание 1914 г. было последней попыткой самодержавия обсуждать мусульманский вопрос в специально созданном для этого правительственном органе.

Таким образом, очевидными стали два противоположных устремления: мусульманское духовенство Оренбургского духовного собрания стремилось к еще большей централизации своей власти и расширения ее территориальных рамок; государственная власть, наоборот, неоднократно на высшем правительственном уровне рассматривала варианты децентрализации Оренбургского собрания, дробления его на более мелкие учреждения. Однако несмотря на очевидную необходимость пересмотра компетенции органов управления, ни один из проектов не был узаконен, и юридически система управления мусульманским населением осталась неизменной до крушения Российской империи.

Библиографический список

1. Гегемейстер, Ю.А. Статистическое обозрение Сибири / Ю.А. Гегемейстер. – СПб., 1854.
2. Азиатская Россия : в 2 т. – СПб., 1914. – Т. 1.
3. Вишленкова, Е.А. Заботясь о душах подданных: религиозная политика в России первой четверти XIX века / Е.А. Вишленкова. – Саратов, 2002.
4. Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 821. – Оп. 8. – Д. 1081. – Л. 55.
5. Алексеев, И.Л. Некоторые особенности исторической эволюции и политико-правового положения ислама и

мусульман в Российской империи в XIX – начале XX в. (К вопросу о взаимовлиянии цивилизационных логик в российской истории) / И.Л. Алексеев // Религиоведение. – 2002. – №2.

6. Алов, А.А. Ислам в России / А.А. Алов, Н.Г. Владимиров. – М., 1996.

7. Свод законов Российской империи : в 16 т. – СПб., 1896. – Т. XI: *Часть первая, свод учреждений и уставов* Управления Духовных дел иностранных исповеданий христиан и иноверных.